

Но сегодня котёнок вёл себя странно, громко мяукал и никак не успокаивался, а потом даже шерсть у него встала дыбом, видимо, он был в ярости. Гао Чан подумал и всё же снял с него проволоку. В конце концов, его голова сейчас работала как радар, и, если котёнок не вернётся, он сможет его найти. А если нет, то, вероятно, Да Хуан поможет. Хотя Гао Чан посмотрел на Да Хуана и не был в этом уверен.

В бамбуковой роще они наловили целый мешок жуков-носорогов и выкопали мешок бамбуковых побегов. Побег предназначался для свиней, так как, несмотря на нехватку еды, в деревне редко ели бамбуковые побеги. По местным представлениям, они, как и водяной шпинат, не подходили для частого употребления, особенно для мужчин, которые занимались тяжёлой работой.

Когда пришло время возвращаться, Мяоцзай всё ещё не показывался. Гао Чан громко позвал его несколько раз, но безрезультатно. Да Хуан за это время поймал несколько бамбуковых змей, больших и маленьких, и всех их раздавил. Гао Чан связал их лианой и понёс в руке. Мешок был тяжёлым, наверное, весил около пяти-шести цзиней.

Гао Чан сосредоточился, пытаясь почувствовать вибрации в бамбуковой роще и найти Мяоцзай. Это было для него новым занятием, и он долго стоял, прежде чем наконец определил направление, где находился котёнок, — за пределами рощи, за их двором.

Он высыпал мешок с бамбуковыми побегами в свиной ров, взял факел в одну руку, а связку мёртвых змей — в другую, и направился к задней части двора. Там он увидел Мяоцзай, сидящего с довольным видом и вылизывающего лапы. Его обычно плоский живот теперь был полным.

Гао Чан попросил людей во дворе спустить лестницу и, не привязывая Мяоцзай, вошёл внутрь с котом и собакой. Мужчины, которые выходили с ним, уже вернулись и теперь в основном мылись. При свете костра связка бамбуковых змей в руках Гао Чана выглядела особенно устрашающе, и несколько женщин не смогли сдержать криков.

— Гао Чан, это твой котёнок поймал столько змей? — быстро заметили те, кто увидел, что маленький дикий кот, которого Гао Чан обычно держал на поводке, теперь был свободен, вероятно, из-за своего подвига.

— Нет, это Да Хуан поймал, — ответил Гао Чан, похлопав Да Хуана по голове.

— Собака может ловить змей? Я только слышал, что кошки едят змей.

— Он поймал, но все съел, — Гао Чан сел у костра и указал ногой на округлый живот котёнка.

— В бамбуковой роще столько змей! — наконец кто-то сказал главное.

— Вам, ребята, лучше больше не ходить туда за жуками-носорогами, это слишком опасно!

— Не беспокойтесь, этот кот и собака, похоже, обыскали всю рощу. Обычно, когда мы бываем на краю, мы ни одной змеи не встречаем.

Это, конечно, говорили мужчины. Большинство мужчин в этом дворе были семейными, и, если взрослые могли обойтись без хорошей еды, то детям она была необходима, чтобы нормально расти. Да и какой отец не хотел бы, чтобы его ребёнок ел что-то вкусное? Чжэн Госи, сосед Гао Чана, уже был парнем за двадцать, но Дядя Ашань всё ещё относился к нему как к ребёнку, сажал для него дикие фрукты и ловил жуков-носорогов, чтобы у него было всё, что есть у других детей в деревне.

— Не глупите, эти змеи теперь очень ядовиты. Если с вами что-то случится, что будет с вашими жёнами и детьми? — это говорил Дядя Цзю, старик, который раньше пользовался уважением в деревне за то, что мог лечить людей. Теперь, когда больниц не осталось, все надеялись только на него, поэтому его авторитет в этом дворе и во всей деревне был очень высок.

— Ладно, ладно, больше не будем ходить, — мужчины, послушав Дядю Цзю, посмеялись и продолжили мыться и одеваться. Раньше, при упоминании смерти, многие могли дрожать от страха, но сейчас, постоянно сталкиваясь с ней, они, казалось, стали менее боязливыми.

Некоторые во дворе, опасаясь, что в будущем станет ещё хуже, старались запастись едой, пока времена относительно спокойные, собирали дикие растения и ловили кузнечиков. Чэнь Юйчжэнь, которая готовила на кухне, просила своего мужа Чжэн Гофэна выходить за едой и запасаться. Сначала он не хотел, но Чэнь Юйчжэнь сама начала выходить, и тогда несколько дней в деревне готовила жена Чжэн Гобана, Линь Цзяньхун. Её кулинарные навыки были куда хуже, чем у Чэнь Юйчжэнь, и, поскольку еды и так было мало, блюда получались несъедобными. Через несколько дней во дворе начались жалобы.

Никто не мог уговорить Чэнь Юйчжэнь, и все ругали Чжэн Гофэна, говоря, как он, мужчина, может позволить своей жене рисковать, выходя за пределы двора?

Говорили, что в молодости Чжэн Гофэн был очень красив, по словам деревенских женщин, даже Тан Саньцзан из «Путешествия на Запад» не мог с ним сравниться. Его отец, увидев трудолюбивую Чэнь Юйчжэнь, несмотря на то что она была на четыре года старше и довольно крупной, решил поженить их. В молодости Чжэн Гофэн часто бунтовал, считая, что он — цветок, посаженный в навоз. Но со временем что-то изменилось, и он начал жить с Чэнь Юйчжэнь, хотя и продолжал жаловаться.

На этот раз он чувствовал себя несправедливо обвинённым. Зачем ей было лезть в опасность? Насекомых сейчас много, но весной их станет меньше, зачем было спешить искать еду сейчас? Женщина, идущая ночью с мужчинами в поле, — а он, муж, даже ничего не сказал, а все уже начали его осуждать, только потому что она умела готовить?

Но, несмотря на жалобы, Чжэн Гофэн в конце концов взял у Чэнь Юйчжэнь сумку и стал выходить по ночам. Если он вытягивал короткую палочку, то приносил еду для всех, а если длинную — оставлял себе.

Не все насекомые были безобидными. Через несколько дней у него на лице и шее появились красные шишки, и каждый раз, возвращаясь во двор, он мылся, а Чэнь Юйчжэнь наносила на них заранее приготовленный травяной отвар. Она мазала, а он стонал:

— Эй, эй, полегче, кожа уже содрана!

Мужчины во дворе не могли сдержаться:

— Что ты, старый хрыч, ноешь? Тебе уже пятьдесят!

— Кому пятьдесят? Мне всего сорок девять, — отвечал Чжэн Гофэн, продолжая наклонять голову, чтобы жена могла намазать шею. — Сзади тоже помажь...

Гао Чан, наблюдая за этой парой, сидел у костра и жарил змей, посыпая их солью и перцем. Аромат был восхитительным.

В их дворе жили большие семьи, где было и шумно, и весело. Дядя Ашань и Чэнь Юйчжэнь с Чжэн Гофэном жили своей жизнью, полной радости.

У Чэнь Юйчжэнь и Чжэн Гофэна была одна дочь, уже за двадцать, белая и полная, которую отец баловал, исполняя все её желания. Два года назад она рассталась с парнем и с тех пор жила дома, помогая матери, когда та была занята, и отказывалась искать работу или встречаться с кем-то. В деревне много сплетничали, но они жили своей жизнью.

Иногда Гао Чану тоже становилось завидно, особенно в детстве, когда он жил только с бабушкой. Бабушка была занята работой в поле и домашними делами, и у неё не было времени на него. Гао Чан с детства бродил по деревне, и из-за своего характера не был особо любим.

У деревенских детей были игрушки — барабаны, лягушки, волчки и водяные пистолеты, которые делали их отцы. У Гао Чана никогда ничего такого не было.

Больше всего он запомнил Чжэн Гофэна, который, когда его дочь захотела играть в палочки, сделал их из бамбука, чтобы они отличались от тех, что были у других детей. Он распилил бамбук на равные части, затем вырезал и отшлифовал их. Гао Чан помнил, как этот мужчина, тогда ещё молодой и красивый, сидел у своего дома и вырезал палочки.